

УДК 130.2

Екатерина Щекотова

ОБЩЕСТВЕННАЯ ТРАВМА КАК СПОСОБ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЯПОНИИ

В статье проведено исследование национальной идентичности японского общества с точки зрения концепта травмы. Травма рассмотрена как воплощение коллективного бессознательного, интегрирующая роль травмы, её нарративный характер, создающая дискурсивная роль травмы в формировании национального самосознания.

Ключевые слова: Япония, национальная травма, идентичность, тэнноизм, ментальность, Вторая мировая война.

Щекотова К.

СОЦІАЛЬНА ТРАВМА ЯК СПОСІБ ФОРМУВАННЯ НАЦІОНАЛЬНОЇ ІДЕНТИЧНОСТІ ЯПОНІЇ

У статті проведено аналіз національної ідентичності японського суспільства з погляду концепту травми. Травму розглянуто як втілення колективного несвідомого. Звернуто увагу на інтегративну роль травми, її нарративний характер, а також на творчу дискурсивну роль у формуванні національної самосвідомості.

Ключові слова: Японія, національна травма, ідентичність тенноїзм, ментальність, Друга світова війна.

Schekotova E.

THE SOCIAL TRAUMA AS WAY OF CREATION THE NATIONAL IDENTITY OF JAPAN

The article represents a study of the national identity of Japanese society in terms of the concept of trauma. It is considered as the embodiment of the collective unconscious, the integrating role of trauma, its narrative character, creating the discursive role of trauma in the formation of national consciousness.

Key words: Japan, national trauma, identity, tennoism, mentality, World War II.

Япония, пожалуй, одна из немногих стран, так долго бывшая в изоляции относительно других мировых держав. Отношения с внешним миром на протяжении всей истории Японии в большей степени были потрясениями для общества (как в позитивном, так и в негативном смысле), катализаторами, которые ускорили или, наоборот, замедляли многие процессы в стране. Обратим внимание на основную характеристику внешних контактов на протяжении многих веков: предрасположенность в силу географических условий к изолированности (остров) периодически активизируется государственной политикой, приводя к полной закрытости. С другой стороны, редкие попытки экспансии, выхода за пределы собственной территории с различными целями, порождают национальные мифологемы, высоких амбиций, задающих перспективу и ожидания. На наш взгляд, это противоречие создает потенциальную возможность травмы.

Первым знаковым событием в этом отношении стала битва с монгольскими захватчиками в 1274–1281 гг. До этого монголы захватили часть Китая и Кореи, приняли попытку захватить и Японию, однако встретили ожесточенное сопротивление и были вынуждены отступить: «Япония вышла из столкновения победительницей, бакуфу – военная администрация – получила всеобщее признание. Вместе с тем монгольская драма имела печальные последствия. Воины гордились своей победой, но в то же время их не покидало чувство, что их обманули. В этой всеобщей победной эйфории возникла привычка считать Японию непобедимой страной богов, которая получила благодать божественного покровительства. Здесь берет начало то, что позднее, в XIX–XX веках, превратилось в современный *тэнноизм*. Воины, большинство из которых умели только сражаться, в обычной жизни оказались лицом к лицу со своей нерастратченной энергией и не востребованным воодушевлением» [1, с. 67].

Пик «закрытости» пришелся на 1635 год. До 1635 года сегун лично выдавал разрешения на ведение международной торговой деятельности. С середины XVI века по первую четверть XVII века таких разрешений было выдано около трехсот, а в 1635 году «опустился занавес», всякое сообщение с другими странами было запрещено.

Следующий важный момент в рассматриваемой нами динамике закрытости/открытости связан с процессами модернизации. С начала XIX века японцы постоянно ощущали давление: появляющиеся на горизонте корабли чужеземцев, оснащенные по последнему слову техники, требования допустить своих послов, установить торговые или дипломатические отношения. Сначала японское правительство пошло реакционным путем: законы еще больше ужесточились, начались расправы над либерально мыслящими.

Все закончилось тем, что в 1850-х прибыли американские корабли командора Перри уже не с предложениями, а с требованиями и угрозами Японии, в случае, если она не откроет свои границы: «Несмотря на общую враждебность по отношению к этим иностранцам, которых в то же время и опасались, несмотря на сильный национализм, который связывал сторонников открытия и сторонников изоляции, сёгунат понимал невозможность вооруженного сопротивления вероятной западной угрозе. Порт Хакодатэ на Хоккайдо и порт Симода открылись для американских судов. В 1854 году по Канагавскому договору американский консул прибыл на постоянное пребывание в Симоде, мирную гавань необыкновенной красоты и очарования, расположенную в южной оконечности полуострова Идзу. Аналогичные договоры были заключены Японией с Англией, Россией, Голландией. В 1858 году Таунсенд Хэррис, первый официальный посол правительства США, подписал договор, полностью открывающий Японию для внешней торговли» [1, с. 70].

Осуществление этого договора стало очень большим потрясением для японцев. Это был самый настоящий культурный, политический и экономический шок для страны. Японское общество было расколото на два лагеря: одни видели в открытии границ страны источник только несчастий, другие смогли извлечь из этого выгоду. «В итоге Япония, пройдя через потрясения, в конце концов, стала воспринимать Запад, как в былые времена Китай: она стала прилежно учиться, но при этом оставалась сама собой, не превратившись в порабощенную страну. Эпоха сёгунов после отчаянной попытки героического, но бесполезного сопротивления со стороны сёгуна ушла в прошлое. Могущественные кланы, которые прикрывались лозунгом восстановления императорской власти, ставили задачу вывести страну на бесконечный путь модернизации» [1, с. 105].

Сближение с Западом, получение новых технических изобретений и обновление социально-политической и экономической среды *спровоцировали подъем милитаристских настроений в стране*. Войны исторически были самым уважаемым сословием, обладали наибольшей властью, да и общество в целом, его мораль во многом были выстроены согласно военной доктрине бусидо. Все это вылилось в экспансию Японии: война с Китаем в 1894 году, последующая война с Кореей, с Россией. Однако, как замечают исследователи, череда побед в военных действиях спровоцировала то, что Япония стала переоценивать свои возможности, что впоследствии повлекло за собой трагедию 1945 года.

В годы Первой мировой войны военная промышленность стала одним из главных доходов японского государства. Производство оружия компенсировало значительное отставание Японии в техническом прогрессе. Также важно то, что по итогам войны возросло недоверие между Западом и Японией: европейцы по-настоящему стали опасаться растущего влияния Японии в Азии (во время войны Япония фактически лишила суверенитета Китай), японцы же считали себя несправедливо обиженными результатами Версальского мира, где им не досталось с общей «дележки пирога» практически ничего. Япония жаждала реванша. «Если эпоха Мэйдзи была периодом надежды, то XX век оказался веком отчаяния. Общество, которое пыталось обрести себя на основе идеи собственного величия, поджидали только опасности» [1, с. 105].

Последующее развязывание Второй мировой войны и активное участие Японии повлекло всем известные печальные последствия. Впервые за почти тысячу лет Япония подверглась вторжению иностранного государства, причем вторжению не в его классическом понимании, а с новейшим оружием – атомной боеголовкой. Последствия были катастрофичны: два больших города были просто стерты с лица земли, экономика оказалась в глубоком кризисе, император впервые за всю историю напрямую обратился к жителям своей страны, признав полную и безоговорочную капитуляцию. Япония была официально оккупирована США. В указе от 14 августа 1945 года содержался «призыв к нации “вынести невыносимое“ и направить все усилия “на созидание будущего“». В драматичные дни второй декады августа 1945 года многие высшие военные и политические деятели страны решили свести счеты с жизнью» [2, с. 474].

Эти события стали самой настоящей национальной трагедией. Японский традиционный милитаризм был дискредитирован, идея собственного национального превосходства также терпела крах вместе с устранением ультраконсервативных партий. Впервые Японцы столкнулись с тем, что представители западной цивилизации являются не «гостями» на острове, а оккупантами, практически хозяевами.

До сих пор японские деятели науки, искусства осмысливают все произошедшее с их страной, с психологией народа за последние полтора столетия. Слишком многое пришлось усвоить маленькой стране за такой небольшой промежуток времени с исторической точки зрения: нужно было понять, как и чем живет мир за границами Японии, понять психологию людей незнакомой им культуры.

Проследив основные тенденции социально-политического влияния на формирование самосознания современной японской общности, можно сказать, что наиболее важным для исследования национальной травмы является *тэнноизм как базовый концепт японской ментальности*. Он показателен в понимании оснований национального единства государства.

Обожествление и культ императора-тэнно является центральным в понимании особенностей формирования национальной травмы Японии. Тэнноизм – национальная идея, представление об японском государстве как о непобедимой стране богов, ведущих свое происхождение от ками, японская нация через свой военный успех получила благодать божественного покровительства, освященного идеей микадо.

Во-первых, божественное происхождение императорской семьи неразрывно связано с японской мифологией, восходящей к глубокой древности и являющейся центральной в формировании национальной

идентичности. Ценность идеологической системы тэнноизма состоит в том, что в своей основе она представляет собой официальное переосмысление архаических мифов, служащих источником понимания и характеристики многих черт национального характера японцев, специфики их мировоззрения и мироощущения, социокультурных и морально-нравственных ориентаций. Во-вторых, государственный культ императора, основанный на синто-буддистском комплексе духовно-конфессиональных воззрений, а также подкрепленный этикой военного кодекса бусидо, стал интегрирующим началом, которое выработало у японского этноса глубокое чувство единства и националистические воззрения. Идея тэнноизма неразрывно связана с японским искусством, религией и мироощущением.

Следующий важный этап для формирования отношения к взаимодействию с иностранной культурой был в период Мейдзи в XIX веке. Несмотря на то, что проникновение западной культуры стало настоящим культурным шоком для японцев, им удалось ассимилировать полезный для них материал европейской цивилизации. Иначе говоря, кризис и шок не привели к формированию травмы, а разрешились продуктивным образом, мотивируя к развитию. Но действительно травматичным стал период оккупации войсками США после Второй мировой войны. Во-первых, Япония, национальная идея которой строилась вокруг идеи божественного происхождения японцев, потерпела сокрушительное поражение в мировой войне. Во-вторых, император впервые лично обратился ко всему японскому народу с сообщением о полной капитуляции, таким образом, и второй аспект национальной идентичности японского общества оказался скомпрометирован. Вся структура картины мира японца, основанием которой было почитание обожествляемого императора, была подорвана, подверглась разрушению со стороны внешнего влияния, возник кризис национальной идентичности.

Открытия страны, в периоды Мэйдзи и американской оккупации, на наш взгляд, не привели к полному пересмотру оппозиции закрытости/открытости японцев по отношению к иностранному влиянию. Поэтому для современной японской культуры характерно постоянное переосмысление этой оппозиции и попытки принятия, осознания и поиска преодоления травмы потери идентичности.

Таким образом, историческая катастрофа проигрыша во Второй мировой войне, сброс ядерных боеголовок на территорию Хиросимы и Нагасаки, а также последующая оккупация американскими военными силами являются причиной того, что мы ниже будем понимать под «общественной травмой», они являются источником личных и общественных фрустраций, клеем нации и её позором, тем, что помнят о нации и что нация сама помнит о себе. В эту группу мы отнесём участие в Первой и Второй мировых войнах и поражение, повлекшее тяжелейшие последствия для самосознания японской нации.

Для работы с понятием травмы обратимся к сборнику статей под редакцией Е. Трубиной и С. Ушакова «Травма: пункты». В редакторском вступлении авторы концептуально дают несколько очень важных для данного исследования идей, обратимся к ним, но прежде дадим определение «травмы».

«Травма (психическая) – понятие психоанализа, которое переносит на психологический уровень медицинское (хирургическое) понятие травмы (греч. *trauma*: повреждение с нарушением кожного покрова, возникшее в результате внешнего насилия). В результате травмы, нарушающей работу психики, субъект вступает в порочный круг навязчивых повторений (слов, поступков, сновидений и др.) или страдает от паралича воли и действия. Для философии имеет значение не собственно травма как отдельный вид человеческого опыта, но скорее травма как условие становления человека вообще и как предпосылка формирования познавательного интереса в частности. В после-фрейдовском психоанализе, и прежде всего у Ж. Лакана, трагический опыт лишения, нехватки, символической «кастрации» является основоположным для человека в мире, изначально предполагая расщепленность субъекта и недоступность для него объектов его желания, опосредованных языком» [3].

Определение травмы достаточно обширно, поскольку подходов к изучению травмы может быть множество. Многие авторы рассматривают травматический опыт своих пациентов как условия ограничения их полноценного психического здоровья, но *травма может иметь и продуктивный смысл*: она создаёт новые реалии, новые воспоминания событий, которых в действительности не было. «Опыт учит нас, что фантазии могут воздействовать так же травматически, как и произошедшие в действительности травмы» [4, с. 11]. Если травма не обязана быть фактом, реальным событием, то это сильно размывает границы самого понятия, травматичным может оказаться любой опыт, который происходит в условиях сильного эмоционального возбуждения, в нетипичных обстоятельствах. Более того, травма может таким образом быть не только частью индивидуальной психики: способность сопереживать и принимать на себя боль других людей позволяет травме проникать и в чужое бессознательное, а если травматический опыт был пережит группой людей, то он может уже считаться коллективным.

Коллективная травма может служить не только способом объединения людей (известны случаи, когда люди, выжившие после катастрофы вместе, становились очень близки, они часто встречаются и проводят совместную терапию преодоления травмы), но и способом их отделения: те, кто пережил травму, от тех, кто, условно говоря, там не был. Мы приходим к интересной мысли: коллективная травма может служить объединением людей в группу и их обособлением, выделением, наделением особым статусом по сравнению с «другими». Таким образом, *травматичный опыт, ушедший в бессознательное, воспроизводится*

зачастую для сохранения единства группы. Трубина Е.Г. отмечает, что это справедливо и для национального масштаба: целый народ может строить свою идентичность на постоянном воспроизводстве (символическом или реальном) опыта травмы и постоянном рассказе (или умолчании) о ней.

В Японии с момента активного вторжения и общения с представителями западной культуры происходило навязывание европейского образа мышления и жизни, что, естественно, сопровождалось трансформацией традиционного уклада. Хрупкое равновесие, которого до этого добивались японцы в своей внутренней жизни, перенесло сильное испытание. После Второй мировой стало понятно, что необходимо активно сотрудничать и контактировать с представителями западной цивилизации, понимать их логику, перенимать их опыт и стиль руководства, деловую этику, что, естественно, повлияло и на повседневный быт.

Травма национальной идентичности сопровождает японцев и сейчас: уходят в прошлое многие виды традиционных ремесел, искусства. Преодолевается же эта травма через современную литературу, стремление соблюдать национальные праздники, через транслирование образов традиционной культуры вовне, в другие страны, через саму любовь и уважение к традициям, которая, согласно исследованиям Токийского Социологического Института (проводятся с 1954 года каждые 5 лет), действительно есть и активно культивируется.

Таким образом, может возникнуть вопрос, как исторические события влияют на то, что происходит после них в сферах, напрямую не связанных с локализацией травмы? Это очень интересный аспект: травма, фиксируясь в умах людей, даёт им основу для консолидации, для сопоставления и со-переживания своего опыта. От травмы, на самом деле, не избавляются, поскольку её консолидирующая роль крайне важна для самосознания, для самоопределения нации. «Попытка зафиксировать место и значение травматического опыта в словах, смыслах, вещах или ритуалах нередко приобретает форму травматической телеологии («И пережить ей ужас доведется»). Опыт травмы, т.е. опыт утраты, потери, разрыва, превращается в повествовательную матрицу, в нарратив, придающий логику связанного сюжета раздробленным фактам индивидуальной или коллективной биографии. В отличие от травмы-как-утраты травма-как-сюжет является не только поводом для переосмысления утраченного прошлого: травма задает здесь общую систему повествовательных координат. Специфические ситуации жертв или очевидцев приобретают статус авторских позиций, с точки зрения которых репрезентируется прошлое и воспринимается настоящее» [5, с. 9].

Получается, что травма, имея нарративную природу, даёт возможность существовать другим нарративам: отрицающим, поддерживающим, переосмысливающим или скрывающим травму. Таким образом, травма может проявляться вследствие того, что она *существует только в нарративе*, а нарратив требует языка. Язык же, в свою очередь, не существует без Другого. Как только Другой появляется, и с ним есть общение (которое может быть и опосредованным), язык и психика оказываются тесно связаны. А значит, и травма из области психики обязательно так или иначе переходит в язык (язык предельно широко понимаем как дискурс, диалог между объектами, совсем не обязательно непосредственный, художественное произведение – тоже диалог). «Вероятно, любая одушевленная материя может быть травмирована; реакция на повреждение защитной системы человека происходит, скорее всего, на общем психосоциальном уровне. Признание и язык есть взаимодействующие социальные процессы; ни психика, ни язык невозможны без другого человека» [6, с. 786]. Итак, травматичный опыт нации, народа или отдельного человека, фиксируется не только в бессознательном, но и в языке; имея нарративную природу, травма рождает множество дискурсов, в том числе и воспроизводящих травму, при этом травматичное событие может стать объединяющим для целой нации, как это и происходит в Японии.

Таким образом, мы раскрыли историческое становление общественной травмы Японии, выделив ключевые события (монгольское нашествие XII века, эпоха Мейдзи, подписание акта о капитуляции после Второй мировой войны, послевоенная оккупация войсками США), которые повлияли на зарождение и дискредитацию идеи национального превосходства Японии. Можно сделать вывод о том, что историческими причинами национальной травмы являются: последовательность фаз открытости и закрытости японской культуры, обостренное восприятие чужого (иногo) влияния, череда успехов внешней экспансии в период открытости, спровоцировавшая подъем милитаристских настроений в стране, сокрушительная потеря независимости (оккупация), потеря базиса в виде культа императора (отречение от божественности), вынужденность адаптации к чужому культурному опыту (экономическое вписывание в мировую экономику и западную систему ценностей).

Обратившись к философскому, культурологическому и психологическому аспектам в теории травмы, мы определили, что травматический опыт может быть описан как условие становления человеческой индивидуальности, как предпосылка формирования познавательного интереса, с точки зрения её интегрирующей и консолидирующей силы, как повествовательная матрица, нарратив. Иными словами, травматичный опыт, ушедший в бессознательное, может служить нарративом для сохранения единства группы, что справедливо и для исследования травмы национального масштаба, так как целый народ может строить свою идентичность на постоянном воспроизводстве опыта травмы, постоянном рассказе или умолчании о ней.

Литература:

1. Елисеєфф В. Японська цивілізація / В. Елисеєфф, Д. Елисеєфф ; Пер. с франц. И. Эльфольд. – Екатеринбург : У-Фактория, 2006. – 528 с.
2. Жуков А. Е. История Японии. Том 2. 1868-1998 / А. Е. Жуков. – М. : Институт востоковедения РАН. – 703 с.
3. Новая философская энциклопедия [интернет-версия издания] // Ин-т философии РАН; Нац. обществ.-науч. фонд ; Предс. научно-ред. совета В. С. Степин. – URL : <http://iph.ras.ru/elib/3039.html> (дата обращения 20.04.2016).
4. Юнг К. Г. Избранные труды по аналитической психологии / К. Г. Юнг. – Цюрих : Изд. Психологического клуба, 1939. – Т. 3. – 533 с.
5. Ушакин С. Нам этой болью дышать? О травме, памяти и сообществах / Травма : пункты : сборник статей, сост. Ушакин С. Трубина Е. – М. : Новое литературное обозрение, 2009.
6. Митчелл Дж. Травма, признание и место языка / Травма : пункты : сборник статей, сост. Ушакин С. Трубина Е. – М. : Новое литературное обозрение, 2009. – 936 с.